

ГРУШЕЧКА

ЖУРНАЛЪ ДЛЯ ДѢТЕЙ

А. ВЕГЕРМАНЪ. Гр.

Цѣна на годъ съ дост. . . . 6 р. — к.

безъ дост. . . . 5 » — »

На полгода. 3 » 50 »

На три мѣсяца. 2 » — »

Редакція: Малая Подъяческая, д. 4, кв. 16.

СОДЕРЖАНІЕ: I. Изъ „Записокъ охотника“.—II. Наканунъ покоса. (Стих.) С. Лаврентьевой.—III. Лепеть дождевыхъ капель. А. Сахарова. — IV. Смерть соловья. А. Сахарова.

ИЗЪ „ЗАПИСОКЪ ОХОТНИКА“.

III.

У табуна *).

БЫЛЪ прекрасный іюльскій день, одинъ изъ тѣхъ дней, которые случаются только тогда, когда погода установилась надолго! Съ самаго ранняго утра небо ясно; утренняя заря не пылаетъ пожаромъ: она раз-

*) Изъ разсказа „Бѣжинъ лугъ“.

ливается кроткимъ румянцемъ. Солнце — не огнистое, не раскаленное, какъ во время знойной засухи, не тускло-багровое, какъ передъ бурей, но свѣтлое и привѣтно лучезарное—мирно всплываетъ надъ узкой и длинной тучкой, свѣжо просіяетъ и погрузится въ лиловый ея туманъ. Верхній, тонкій край растянутого облачка засверкаетъ змѣйками; блескъ ихъ подобенъ блеску кованнаго серебра... Но вотъ опять хлынули сверкающіе лучи,— и весело, и величаво, словно взлетая, поднимается могучее свѣтило. Около полудня обыкновенно появляется множество круглыхъ высокихъ облаковъ, золотисто-сѣрыхъ, съ нѣжными бѣлыми краями. Подобно островамъ, разбросаннымъ по безконечно-разлившейся рѣкѣ, обтекающей ихъ глубоко-прозрачными рукавами ровной синевы, они почти не трогаются съ мѣста; далѣе, къ небосклону, они сдвигаются, тѣнятся; синевы между ними уже не видать, но сами они также лазурны, какъ небо: они всѣ насквозь проникнуты свѣтомъ и теплотой. Цвѣтъ небосклона легкій, блѣдно-лиловый, не измѣняется во весь день и кругомъ одинаковъ. Нигдѣ не темнѣетъ, не густѣетъ гроза; развѣ кое-гдѣ протянутся сверху внизъ голубоватыя полосы: то сѣется едва замѣтный дождь. Къ вечеру эти облака исчезаютъ; послѣднія изъ нихъ, черноватыя и неопредѣленныя, какъ дымъ, ложатся розовыми клубами напротивъ заходящаго солнца; на мѣстѣ, гдѣ оно закатилось такъ же спокойно, какъ спокойно возшло на небо, алое сіянье стоитъ не долгое время надъ потемнѣвшей землей, и, тихо мигая, какъ бережно несомая свѣчка, затеплится на немъ вечерняя звѣзда. Въ такіе дни краски всѣ смягчены, свѣтлы, но не ярки; на всемъ лежитъ печать какой-то трогательной кротости. Въ такіе дни жаръ бываетъ иногда весьма силенъ, иногда даже „парить“ по скатамъ полей, но вѣтеръ разгоняетъ, раздвигаетъ накопившійся зной, и вихри-круговороты—несомнѣнный признакъ хорошей погоды—высокими бѣлыми столбами гуляютъ по дорогамъ черезъ пашню. Въ сухомъ и чистомъ воздухѣ пахнетъ полынью, сжатой

рожью, гречихой; даже за часъ до ночи вы не чувствуете сырости. Подобной погоды желаетъ земледѣлецъ для уборки хлѣба...

Въ такой точно день охотился я однажды за тетеревами въ Чернскомъ уѣздѣ, Тульской губерніи. Я нашель и настрѣлялъ довольно много дичи; наполненный ягдташъ немилосердно рѣзалъ мнѣ плечо; но уже вечерняя заря погасла, и въ воздухѣ, еще свѣтломъ, хотя не озаренномъ болѣе лучами закатившагося солнца, начинали густѣть и разливаться холодныя тѣни, когда я рѣшился, наконецъ, вернуться къ себѣ домой. Быстрыми шагами прошелъ я длинную „площадь“ кустовъ, взобрался на холмъ и, вмѣсто ожидаемой знакомой равнины, съ дубовымъ лѣскомъ направо и низенькой бѣлой церковью въ отдаленіи, увидалъ совершенно другія, мнѣ неизвѣстныя мѣста... „Эге!“ подумаль я: „да это я совѣмъ не туда попалъ: я слишкомъ забралъ вправо“, и, самъ дивясь ошибкѣ, проворно спустился съ холма.

Я вышелъ на опушку кустовъ и побрелъ по полю межой. Глухо отдавались мои шаги въ застывающемъ воздухѣ. Поблѣднѣвшее небо стало опять синѣть,—но то уже была синева ночи. Звѣздочки замелькали, зашевелились на немъ. Да гдѣ же это я? повторилъ я опять вслухъ, остановился и вопросительно посмотрѣлъ на свою англійскую желто-пѣгую собаку, Діанку, рѣшительно умнѣйшую изъ всѣхъ четвероногихъ тварей. Но умнѣйшая изъ всѣхъ четвероногихъ тварей только повиляла хвостикомъ, уныло моргнула усталыми глазками и не подала мнѣ никакого дѣльнаго совѣта. Мнѣ стало совѣстно передъ ней, и я отчаянно устремился впередъ. Около получаса шель я такъ, съ трудомъ переставляя ноги. Одинъ пологій холмъ смѣнялся другимъ, поля безконечно тянулись за полями, кусты словно вставали вдругъ изъ земли передъ самымъ моимъ носомъ. Я все шель, и даже собирался было прилечь гдѣ-нибудь до утра, какъ вдругъ очутился надъ страшной бездной.

Холмъ, на которомъ а находился, спускался вдругъ почти

отвѣснымъ обрывомъ; его громадныя очертанія отдѣлялись, чернѣя, отъ синеватой воздушной пустоты, и прямо подомною, въ углу, образованномъ тѣмъ обрывомъ и равниной, возлѣ рѣки, которая въ этомъ мѣстѣ стояла неподвижнымъ, темнымъ зеркаломъ, подъ самой кручю холма, краснымъ пламенемъ горѣли и дымились другъ подлѣ дружки два огонька. Вокругъ нихъ копошились люди, колебались тѣни, иногда ярко освѣщалась передняя половина маленькой кудрявой головы...

Я благополучно спустился внизъ, но не успѣлъ выпустить изъ рукъ послѣднюю ухваченную мною вѣтку, какъ вдругъ двѣ большія бѣлыя, лохматая собаки со злобнымъ лаемъ бросились на меня. Дѣтскіе звонкіе голоса раздались вокругъ огня; два-три мальчика быстро поднялись съ земли. Я откликнулся на ихъ вопросительные крики. Они подбѣжали ко мнѣ, отозвали тотчасъ собакъ, которыхъ особенно поразило появленіе моей Діанки, и я подошелъ къ нимъ. Это были крестьянскіе ребятишки изъ сосѣдней деревни, которые стерегли табунъ. Въ жаркую лѣтнюю пору лошадей выгоняють у насъ на ночь кормиться въ поле: днемъ мухи и оводы не дали бы имъ покоя. Выгонять передъ вечеромъ и пригонять на утренней зарѣ табунъ—большой праздникъ для крестьянскихъ мальчиковъ. Сидя безъ шапокъ и въ старыхъ полшубкахъ на самыхъ бойкихъ кляченкахъ, мчатся они съ веселымъ гиканьемъ и крикомъ, болтая руками и ногами, высоко подпрыгивають, звонко хохочуть. Легкая пыль желтымъ столбомъ поднимается и несется по дорогѣ; далеко разносится дружный топотъ; лошади бѣгутъ, наостривъ уши; впереди всѣхъ, задравши хвостъ и безпрестанно мѣняя ногу, скачетъ какой-нибудь рыжій космачъ, съ репейниками въ спутанной гривѣ.

Я сказалъ мальчикамъ, что заблудился, и подбѣлъ къ нимъ. Мы немного поговорили. Я прилегъ подъ обглоданный кустикъ и сталъ глядѣть. Кругомъ не слышалось почти никакого шума... лишь изрѣдка въ близкой рѣкѣ съ внезап-

ной звучностью плеснетъ большая рыба, и прибрежный тростникъ слабо зашумитъ, едва поколебленный набѣжавшей волной... Одни огоньки тихонько потрескивали.

Мальчики сидѣли вокругъ ихъ; тутъ же сидѣли и тѣ двѣ собаки, которымъ такъ было захотѣлось меня съѣсть. Всѣхъ мальчиковъ было пять: Оеда, Павлуша, Илюша, Костя и Ваня. (Изъ ихъ разговоровъ я узналъ ихъ имена). Небольшой котельчикъ висѣлъ надъ однимъ изъ огней; въ немъ варились „картошки“. Павлуша наблюдалъ надъ нимъ и, стоя на колѣняхъ, тыкалъ щепкой въ закипавшую воду. Оеда лежалъ, опершись на локоть и раскинувъ полы своего армяка; Илюша сидѣлъ рядомъ съ Костей и все напряженно щурился; Костя понурилъ немного голову и глядѣлъ куда-то въ даль; Ваня не шевелился подъ рогожкой.

Павлуша пощупалъ „картошки.“

— Нѣтъ, еще сыры... Вишь, плеснула—прибавилъ онъ, повернувъ лицо въ направлѣніи рѣки; должно быть шука... А вонъ звѣздочка покатилаcь.

— Нѣтъ, я вамъ что, братцы, расскажу, заговорилъ Костя тонкимъ голосомъ; послушайте-ка, намеднись что тятя при мнѣ рассказывалъ.

— Ну, слушаемъ,—съ покровительствующимъ видомъ сказалъ Оеда.

— Вы, вѣдь, знаете Гаврилу, слободскаго плотника?

— Ну да,—знаемъ.

— А знаете-ли, отчего онъ такой все невеселый, все молчить, знаете? Вотъ отчего онъ такой невеселый: пошелъ онъ разъ, тятенька говорилъ, пошелъ онъ, братцы мои, въ лѣсъ по орѣхи. Вотъ, пошелъ онъ въ лѣсъ по орѣхи, да и заблудился; зашелъ, Богъ знаетъ, куда зашелъ. Ужъ онъ ходилъ, братцы мои — нѣтъ! не можетъ найти дороги; а ужъ ночь на дворѣ. Вотъ и присѣлъ онъ подъ дерево; давай, молъ, дождусь утра,—присѣлъ и задремалъ. Вотъ задремалъ и слышитъ вдругъ, кто-то его зоветъ. Смотритъ — никого. Онъ опять задремалъ, — опять зовутъ. Онъ опять глядитъ,

глядить: а передъ нимъ на вѣткѣ русалка сидитъ, качается и его къ себѣ зоветъ, а сама помираетъ со смѣху, смѣется... А мѣсяцъ-то свѣтитъ сильно, такъ сильно, явственно свѣтитъ мѣсяцъ—все, братцы мои, видно. Вотъ зоветъ она его, и такая вся сама свѣтленькая, бѣленькая сидитъ на вѣткѣ, словно плотичка какая или пискарь,—а то вотъ еще карась бываетъ такой бѣлесоватый, серебряный... Гаврило-то плотникъ такъ и обмеръ, братцы мои, а она знай хохочетъ, да его къ себѣ этакъ рукой зоветъ. Ужъ Гаврило было и всталъ, послушался было русалки, братцы мои, да, зная Господь его надоумилъ, положилъ таки на себя крестъ... А ужъ какъ ему было трудно крестъ-то класть, братцы мои; говоритъ: рука, просто, какъ каменная, не ворожается... Ахъ, ты этакой, а! Вотъ, какъ положилъ онъ крестъ, братцы мои, русалочка-то и смѣяться перестала, да вдругъ какъ заплачетъ... Плачетъ она, братцы мои, глаза волосами утираетъ, а волоса у нея зеленые, что твоя конопля. Вотъ, поглядѣлъ, поглядѣлъ на нее Гаврила, да и сталъ ее спрашивать: „чего ты, лѣсное зелье, плачешь“? А русалка-то какъ взговорить ему: „не креститься-бы тебѣ“, говоритъ, „о человѣче, жить-бы тебѣ со мной въ веселіи до конца дней; а плачу я, убиваюсь оттого, что ты крестился; да не я одна убиваться буду,—убивайся-же и ты до конца дней“. Тутъ она, братцы мои, пропала, а Гаврилъ тотчасъ и понятствено стало, какъ ему изъ лѣсу, то есть, выдти... А только съ тѣхъ поръ вотъ все невеселый ходитъ.

— А, вѣдь, вотъ и здѣсь должны быть русалки,—замѣтилъ Ѳедя.

— Нѣтъ, отвѣчалъ Костя, здѣсь мѣсто чистое, вольное. Одно—рѣка близко.

Всѣ смолкли. Вдругъ, гдѣ-то въ отдаленіи раздался протяжный, звенящій, почти стенящій звукъ, одинъ изъ тѣхъ непонятныхъ ночныхъ звуковъ, которые возникаютъ иногда среди глубокой тишины, поднимаются, стоятъ въ воздухѣ и

медленно разносятся наконецъ, какъ бы замирая. Мальчики переглянулись, вздрогнули...

— Съ нами крестная сила! шепнулъ Илья.

— Эхъ, вы, вороны!—крикнулъ Павелъ;—чего всполохнулись? Посмотрите-ка, картошки сварились. (Всѣ пододвинулись къ котелку и начали ѣсть дымящійся картофель; одинъ Ваня не шевельнулся).

— Что же ты? сказалъ Павелъ.

Но онъ не вылѣзъ изъ-подъ своей рогожи. Котельчикъ скоро весь опорожнился. Всѣ опять притихли. Павелъ бросилъ горсть сухихъ сучьевъ на огонь. Рѣзко зачернѣлись они на внезапно вспыхнувшемъ пламени, затрещали, задымились и пошли коробиться, приподнимая обожженные концы. Отраженіе свѣта ударило, порывисто дрожа, во всѣ стороны, особенно кверху. Вдругъ, откуда ни возмись, бѣлый голубокъ,—налетѣлъ прямо въ это отраженіе, пугливо повертѣлся на одномъ мѣстѣ, весь обливался горячимъ блескомъ, и исчезъ, звеня крыльями.

— Знать, отъ дому отбился, замѣтилъ Павелъ. Теперь, будетъ летѣть, куда на что наткнется, и гдѣ ткнетъ, тамъ и ночуетъ до зари.

— А что, Павлуша, промолвилъ Костя, не праведная ли это душа летѣла на небо, ась?

Павелъ бросилъ другую горсть сучьевъ на огонь.

— Можетъ быть, проговорилъ онъ наконецъ.

— А скажи, пожалуй, Павлуша,—началь Ѳедя;—что у васъ тоже въ Шаламовѣ было видать привидѣнье то небесное? *)

— Какъ солнца то не стало видно? Какъ же!

— Чай напугались и вы?

— Да не мы одни. Баринъ-то нашъ, хоша и толковалъ намъ напередки, что, дескать, будетъ вамъ предвидѣнье, а какъ затемнѣло, самъ, говорятъ, такъ перетрусился, что наподи. А на дворовой избѣ баба стряпуха, такъ та, какъ только

*) Такъ мужики называютъ у насъ солнечное затмѣніе.

затемнѣло, слышь, взяла да ухватомъ всѣ горшки перебила въ печи: „кому теперѣ ѣсть, говорить, „наступило свѣтопреставленіе“. Такъ шти и потекли. А у насъ на деревнѣ, такіе, братъ, слухи ходили, что, молъ, бѣлые волки по землѣ побѣгутъ, людей ѣсть будутъ, хищная птица полетитъ, а то и самого Тришку *) увидятъ.

— Какого это Тришку?—спросилъ Костя.

— А ты не знаешь? — съ жаромъ подхватилъ Илюша; ну, братъ, откентелева-же ты, что Тришки не знаешь? Сидни же у васъ въ деревнѣ сидятъ, вотъ ужъ точно сидни! Тришка—это будетъ такой человѣкъ удивительный, который придетъ; а придетъ онъ такой удивительный человѣкъ, что его и взять нельзя будетъ и ничего ему сдѣлать нельзя будетъ: такой ужъ будетъ удивительный человѣкъ.

— Ну да, продолжалъ Павелъ своимъ неторопливымъ голосомъ, — такой. Вотъ его то и ждали у насъ. Говорили старики, что вотъ, молъ, какъ только предвидѣнье небесное зачнется, такъ Тришка и придетъ. Вотъ и зачалось предвидѣнье. Высыпалъ весь народъ на улицу, въ поле, ждать, что будетъ. А у насъ, вы знаете, мѣсто видное, правильное. Смотрятъ—вдругъ отъ слободки съ горы идетъ какой-то человѣкъ, такой мудреный, голова такая удивительная... всѣ какъ крикнуть: „ой, Тришка идетъ! ой, Тришка идетъ!“ да кто куды! Староста нашъ въ канаву залѣзъ; старостиха въ подворотнѣ застряла, благимъ матомъ кричитъ, свою же дворную собаку такъ запужала, что та съ цѣпи долой, да черезъ плетень, да въ лѣсъ; а Кузькинъ отецъ, Дорофѣичъ, вскочилъ въ овесъ, присѣлъ, да и давай кричать перепеломъ: „авось, молъ, хоть птицу-то, врагъ-душегубецъ, пожалѣетъ“. Таково то всѣ переполошились!.. А человѣкъ-то это шель нашъ бочаръ, Вавила: жбанъ себѣ новый купилъ, да на голову пустой жбанъ и надѣлъ.

Всѣ мальчишки засмѣялись и опять приумолкли на мно-

*) Въ повѣрѣхъ о „Тришкѣ“, вѣроятно, отозвалось сказаніе объ антихристѣ.

венье, какъ это часто случается съ людьми, разговаривающими на открытомъ воздухѣ. Я поглядѣлъ кругомъ: торжественно и царственно стояла ночь; сырую свѣжесть поздняго вечера смѣнила полуночная сухая теплынь, и еще долго было ей лежать мягкимъ пологомъ на заснувшихъ поляхъ; еще много времени оставалось до первого лепета, до первыхъ росинокъ зари. Луны не было на небѣ: она въ ту пору поздно всходила. Безчисленные золотыя звѣзды, казалось, живо текли всѣ, наперерывъ мерцая, по направленію млечнаго пути, и, право, глядя на нихъ, вы какъ будто смутно чувствовали сами стремительный, безостановочный бѣгъ земли...

— Гляньте-ка, гляньте-ка, ребятки, — раздался вдругъ дѣтскій голосъ Вани, гляньте на Божьи звѣздочки, — что пчелки роятся!

Онъ выставилъ свое свѣжее личико изъ подъ рогожи, оперся на кулачекъ и медленно поднялъ кверху свои большіе тихіе глаза. Глаза всѣхъ мальчиковъ поднялись къ небу и не скоро опустились.

— А что, Ваня, ласково заговорилъ Оеда, что твоя сестра Анютка здорова?

— Здорова, отвѣчала Ваня, слегка картавя.

— Ты ей скажи, что она къ намъ отчего не ходитъ?..

— Не знаю.

— Ты ей скажи, чтобы она ходила.

— Скажу.

— Ты ей скажи, что я ей гостинца дамъ.

— А мнѣ дашь?

— И тебѣ дамъ.

Ваня вздохнулъ.

— Ну, нѣтъ, мнѣ не надо. Дай ужъ лучше ей: она такая у насъ добренькая.

И Ваня опять положилъ свою голову на землю. Павелъ всталъ и взялъ въ руки пустой котельчикъ.

— Куда ты? спросилъ его Оеда.

— Къ рѣкѣ, водицы зачерпнуть: водицы захотѣлось испить.

Собаки поднялись и пошли за нимъ.

— Смотри, не упади въ рѣку! крикнулъ ему вслѣдъ Ильяша.

— Отчего ему упасть? сказалъ Оедя,—онъ остережется.

— А помнишь Васю? печально прибавилъ Костя.

— Какого Васю?—спросилъ Оедя.

— А вотъ того, что утонулъ, отвѣчалъ Костя, въ этой вотъ въ самой рѣкѣ. Ужъ какой же мальчикъ былъ! и ихъ, какой мальчикъ былъ! Мать-то его, Оеклиста, ужъ какъ же она его любила, Васю-то! И словно чюла она, Оеклиста-то, что ему отъ воды гибель произойдетъ. Бывало, пойдетъ отъ Вася съ нами, съ ребятами, лѣтомъ въ рѣчку купаться, — она такъ вся и встрепещется. Другія бабы ничего, идутъ себѣ мимо съ корытами, переваливаются, а Оеклиста поставитъ корыто на земь и станетъ его кликать: „вернись, молю, вернись, мой свѣтикъ! охъ, вернись, соколикъ!“ — И какъ утонулъ, Господь знаетъ! Игралъ на бережку, и мать тутъ-же была—сѣно сгребала; вдругъ слышитъ, словно кто пузыри по водѣ пускаетъ, — глядь, а только ужъ одна Васина шапонька по водѣ плыветъ. Вѣдь, вотъ съ тѣхъ поръ и Оеклиста не въ своемъ умѣ,—придетъ да и ляжетъ на томъ мѣстѣ, гдѣ онъ утопъ; ляжетъ, братцы мои, да и затянетъ пѣсенку,—помните, Вася-то все такую пѣсенку пѣвалъ,—вотъ ее то она и затянетъ, а сама плачетъ, плачетъ, горько Богу жалится...

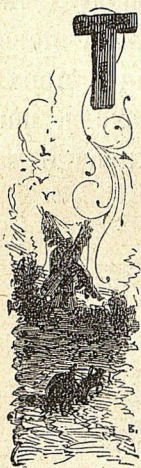
Разговоръ мальчиковъ угасалъ вмѣстѣ съ огнями... Собаки даже дремали; лошади, сколько я могъ различить, при чутъ брезжущемъ, слабо-лющемся свѣтѣ звѣздъ, тоже лежали, понутивъ головы... Слабое забытье напало на меня; оно перешло въ дремоту.

Свѣжая струя пробѣжала по моему лицу. Я открылъ глаза;—утро зачиналось. Еще нигдѣ не румянилась заря, но уже заблѣлось на востокѣ. Все стало видно, хотя смутно видно, кругомъ. Блѣдно-сѣрое небо свѣтлѣло, холодѣло, синѣло; звѣзды то мигали слабымъ свѣтомъ, то исчезали; от-

сырѣла земля, запотѣли листья; кое-гдѣ стали раздаваться живые звуки, голоса, и жидкій ранній вѣтерокъ уже пошелъ бродить и порхать надъ землею. Тѣло мое отвѣтило ему легкой веселой дрожью. Я проворно всталъ и пошелъ къ мальчикамъ. Они всѣ спали, какъ убитые, вокругъ тлѣющаго костра; одинъ Павелъ приподнялся до половины и пристально поглядѣлъ на меня. Я кивнулъ ему головой и пошелъ во-свояси, вдоль задымившейся рѣки. Не успѣлъ я отойти двухъ верстъ, какъ уже полились кругомъ меня по широкому мокрому лугу, и спереди, по зазеленѣвшимъ холмамъ, отъ лѣсу, и сзади, по длинной пыльной дорогѣ, по сверкающимъ обограннымъ кустамъ и по рѣкѣ, стыдливо синѣвшей изъ-подъ рѣдѣющаго тумана—полились сперва алые, потомъ красные, золотые потоки молодого горячаго свѣта... Все зашевелилось, проснулось, запѣло зашумѣло, заговорило. Всюду лучистыми алмазами зардѣлись крупныя капли росы. Мнѣ навстрѣчу чистые и ясные, словно тоже обмытые утренней прохладой, принесли звуки колокола, и вдругъ мимо меня, погоняемый знакомыми мальчиками, промчался отдохнувшій табунъ.

НАКАНУНЪ ПОКОСА.

ТОЧИТЬ косарь свою свѣтлую косу,
Будить жучковъ и сердитую осу;
Точить онъ съ вечера,—завтра чѣмъ-свѣтъ
Много надѣлаетъ въ полѣ онъ бѣды!

Сколько разрушить пріютовъ укромныхъ,
Сколько погубить онъ цвѣтиковъ скромныхъ;
Здѣсь колокольчики мирно стояли,
Нѣжной головкой тихонько качали;—

Завтра васъ скоситъ косарь удалой;
Тяжко поникнувъ къ землѣ головой,
Будете вмѣстѣ вы съ травкой валяться,—
Тутъ ужъ природой куда любоваться.

Милые крошки! Росли вы привольно,
Всѣмъ, въ Божьемъ мірѣ, вы были довольны:
Солнце васъ грѣло, качалъ вѣтерочекъ,
Нѣжно ласкалъ васъ шалунъ мотылецекъ.

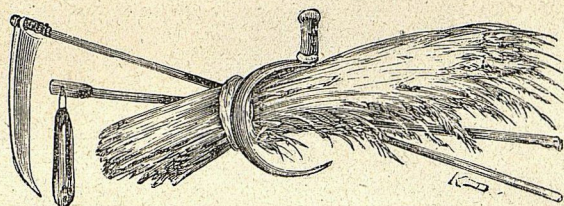
Завтра, какъ нынѣ, вновь солнышко будетъ,
Сонъ же вашъ вѣчный оно не разбудитъ;
Мѣсяцъ, какъ прежде, по небу гуляя,
Васъ не освѣтитъ, лучами лаская.

Травка сухая съ полей уберется...
Будетъ другая,—вновь почка нальется,
И колокольчика нѣжный цвѣтокъ
Свой развернетъ лиловатый листокъ.

Будутъ опять—но то будутъ другіе,
Все уже не тѣ, что валялись сухіе;
Тѣ не распустятся, тѣхъ уже нѣтъ,
Тѣ не увидятъ уже солнечный свѣтъ!

Люди живутъ, но косою безпощадной
Косить ихъ смерть неизбежно, нещадно;
Будутъ другіе, наполнится свѣтъ...
Будутъ другіе... Но тѣхъ уже нѣтъ!

С. Лаврентьева.

ЛЕШЕТЪ ДОЖДЕВЫХЪ КАПЕЛЬ.

(По англійскому оригиналу).

АЗЪ—два—три—четыре—пять. Пять опрятно вскопанныхъ огородныхъ грядокъ. Четыре изъ этихъ грядокъ тянулись одна подлѣ другой, отдѣленные другъ отъ друга тропинкой; пятая представляла узенькую полосу у самой песчаной дорожки, засѣянную наполовину горчицей, наполовину кресомъ, такъ какъ и горчица и кресъ бываютъ часто немедленно надобны къ завтраку или къ обѣду.

Вѣроятно, многіе изъ васъ стояли у такихъ грядокъ въ теплое весеннее утро или вечеръ, присматриваясь, не взошли ли сѣмена, посѣянные вами самими или садовникомъ.

Въ такомъ точно огородѣ одна грядка была засѣяна рѣдъкой трехъ сортовъ: круглой бѣлой и красной рѣдской и длиннохвостой рѣдкой.

На второй грядкѣ росла морковь; эта грядка была глубоко и рыхло вскопана, чтобы морковь могла свободно пустить корни внизъ.

На третьей грядкѣ росъ лукъ. Четвертая была засѣяна свеклой, золотистой и красной, а узенькая полоска была отведена подъ горчицу и кресъ.

Вотъ какъ былъ устроенъ этотъ огородъ; но, несмотря на то, что этотъ огородъ былъ такъ прекрасно устроенъ, на грядкахъ не было ни травинки, и, казалось, посѣянные въ нихъ сѣмена снѣтъ. Длинные гладко вскопанные грядки тянулись, темныя и обнаженные, подъ звѣзднымъ небомъ, безъ малѣйшаго признака жизни.

Но о снѣ тутъ и рѣчи не было. Маленькія сѣмячки выполняли законъ своего существованья: каждое зернышко, исключая таившагося внутренняго зародыша, разлагалось по своему, зародыши же разбухали и росли до тѣхъ поръ, пока не освободились изъ своихъ колыбелекъ и не пробили себѣ дороги на свѣтъ божій.

Конечно, они взшли и вышли на свѣтъ не всѣ заразъ и не всѣ одинаково. Листья молодой горчицы были круглы и плотны, листья креса продолговаты и заострены; морковь тянулась просто зелеными нитями; лукъ росъ вверхъ острыми листьями, а у листьевъ свеклы былъ странный грязноватый оттѣнокъ. Но какъ бы то ни было, всѣ они проснулись къ одной и той же жизни; появленіе ихъ было встрѣчено дружескимъ привѣтомъ росы и свѣта, солнечнаго сіянья и вѣтра, необходимыхъ имъ всѣмъ для того, чтобы достигнуть возможнаго совершенства.

Какъ ни разнообразны были всѣ эти растенія, каждое, какъ и всякое явленіе въ природѣ, было хорошо въ своемъ родѣ, и не должно было быть хорошимъ по чьему нибудь образцу. Но надобно предположить, что какой нибудь стран-

ствующій червячекъ-недоучка, который еще не вполне доросъ до разума занесъ въ огородъ духъ сравненія и зависти, несмотря на то, что грядки не желали сдѣлать ничего не-пріятнаго другъ другу.

— Я вижу, что я съ каждымъ днемъ все глубже и глубже пускаю корни въ землю, замѣтила морковь. Трудно представить себѣ, какой длинной я вытянусь. Вотъ ужъ нѣсколько недѣль, что острымъ концемъ, прелестнѣйшаго размѣра, опускаюсь постоянно все внизъ, прямо внизъ. Вчера одинъ путешественникъ сказалъ, что я совершенство; думаю, онъ правъ.

Вотъ сколько зла надѣлалъ этотъ недоучка-червякъ!

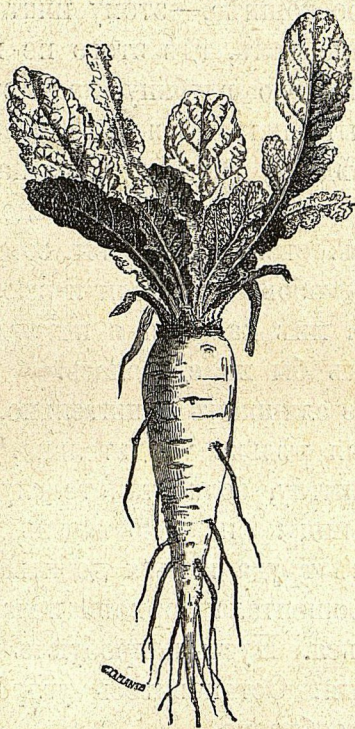
— Въ дни моей юности я испытала, что такое жить близь поверхности земли, продолжала морковь, но только тогда почувствовала наслажденіе, когда пустила корни внизъ. Что тамъ за роскошь! что за богатство! Не знаю, есть-ли у такого роста предѣлъ? Пожалуйста, расскажите мнѣ, сосѣдушки, прибавила морковь добродушно, какъ вы всѣ поживаете? Мнѣ бы хотѣлось знать, опускаетесь-ли вы длинными, тонкими, оранжевыми корнями глубоко въ землю, какъ и я. Я желаю, чтобы мы всѣ были равно совершенны.

— А вы увѣрены, что добиваетесь совершенства правильнымъ путемъ? произнесъ насмѣшливо голосъ изъ сосѣдней грядки, засѣянной рѣдической (красная и бѣлая круглыя рѣдиски были насмѣшливы). Если вашъ идеаль совершенства длинные, тонкіе оранжевые корни, глубоко вросшіе въ землю, то совѣтую вамъ начать жить заново. Жаль, что вы не посоветовались съ нами раньше! Мы давно перестали углубляться внизъ, а стали расширяться во всѣ стороны и образовались круглыми, твердыми шариками, не оранжевыми, какъ вы, а бѣлыми, обернутыми снаружи красной кожицей.

— Совсѣмъ бѣлыми, вскрикнула одна изъ круглыхъ бѣлыхъ рѣдисокъ.

— Я говорю красными, по ихъ наружности—повторила красная рѣдиска. Ну, да не въ томъ дѣло,—какія бы мы ни были, мы все же не оранжевыя.

— Ужъ конечно не оранжевыя! крикнули рѣдски въ одинъ голосъ. Какъ истинные друзья, совѣтуемъ вамъ не тратить вашихъ способностей и силъ въ темныхъ нѣдрахъ земли: тамъ васъ никто не видитъ и не знаетъ. Да не обращайтесь вниманья на то, что говорятъ путешественники. У нихъ только

и дѣла, что разгуливать и болтать. Они увѣряли и насъ, что мы совершенство. Постарайтесь измѣнить вашъ способъ роста. Свернитесь въ твердый круглый шаръ, какъ можно скорѣе;—стоитъ только начать.

— Позвольте мнѣ вставить словечко, прервала свою по-другу одна изъ длиннохвостыхъ рѣдекъ,—по моему бесполезно бросаться изъ одной крайности въ другую. Возьмите

въ примѣръ насъ: мы умѣреннo пускаемъ корни внизъ, что и слѣдуетъ дѣлать, а свертываться шарообразно неестественно и бесполезно. Сверхъ того, дорогой другъ, мы научились гдѣ слѣдуетъ остановиться: это великая тайна, а вы, кажется, не имѣете о ней и понятія. На свѣтѣ предѣлъ всему, кромѣ глупости, — даже и углубленью въ землю корней. Что же касается до того, что почва земли чѣмъ ниже тѣмъ роскошнѣе, — этому никто не повѣритъ: зачѣмъ ей быть лучше тамъ, гдѣ этого не видно? Достаточно опуститься на извѣстную глубину, какъ это и дѣлаемъ мы. Вчера человѣкъ вытащилъ нѣсколько насъ, рѣдекъ, и воскликнулъ: „вотъ рѣдки, такъ рѣдки—настоящія!“

— Вы меня просто приводите въ недоумѣнье, задумчиво произнесла морковь, странно, что вы, совѣтчики, не можете согласиться между собою. Неужели я всю жизнь ошибалась? Сколько ни думаю, мнѣ кажется, я никогда не могла бы вырасти круглой, какъ бы ни старалась!

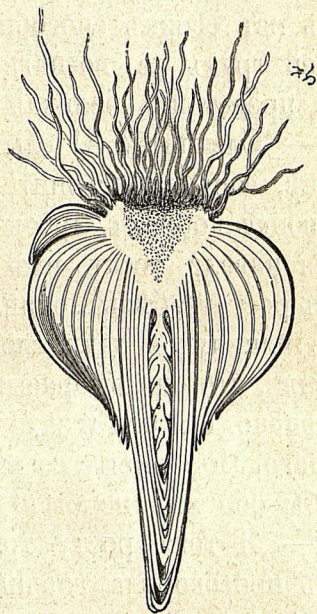
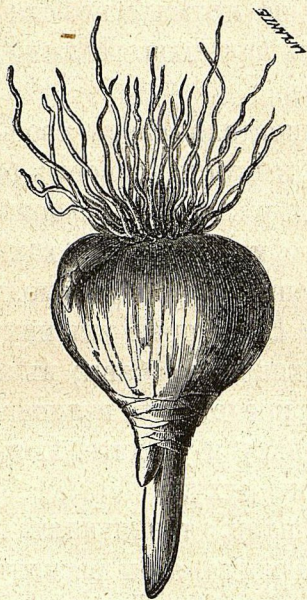
— Вы говорите слишкомъ рѣшительно, не попробовавши, прошептала круглая рѣдка убѣдительно, и никогда не рѣшитесь на эту попытку, если станете слушать нашу старосвѣтскую пріятельницу: она всю жизнь колебалась между двумя путями. Безъ труда нельзя добиться ничего.

— Конечно, прошептала морковь печально, но мнѣ ужъ поздно перерождаться. Пусть попробуютъ молодые морковки. Слышите мои милыя? Остановитесь углубляться въ землю, свертывайтесь шарообразно.

— Что за вздоръ вы болтаете! закричала съ досадой длиннохвостая рѣдка. Морковки, спускайтесь умѣреннo; если хотите, можете выбросить нѣсколько волоконъ для забавы.

— Что за странныя понятія! замѣтили другъ другу луковицы. Слышите ли вы этотъ разговоръ о формѣ и способѣ роста? И все то они повидимому не имѣютъ ни о чемъ ни малѣйшаго понятія. Рѣдиска болтаетъ о шарикахъ, какъ будто бы на свѣтѣ и не существуетъ луковицъ, растущихъ слоями. Конечно, длинная остроконечная оранжевая морковь заблуж-

дается больше всѣхъ, но не права и круглоголовая рѣдиска, говоря о содержимомъ бѣломъ внутри и красной оболочкѣ снаружи. Гдѣ у нихъ слоистая кожа, желала бы я знать? Кто то будетъ ихъ чистить, посмотримъ? Бѣдняжки! Не могу понять, гдѣ они приобрѣли такія понятія? грубы и упрямы! Жаль, что живемъ отъ нихъ далеко, мы бы научили ихъ и хорошимъ манерамъ и какъ надобно жить.

— Я жила близъ васъ долго, проворчала ярко красная свекла съ сосѣдней грядки, обращаясь къ луку, и ничему вы меня не научили, да и никогда не научите. Хороши учителя, признающіе красный цвѣтъ смѣшнымъ! Мнѣ кажется, вы возстаєте противъ краснаго цвѣта изъ зависти, потому что сами не можете сдѣлаться краснымъ, я же хвалюсь тѣмъ, что равно красна внутри и снаружи. Ну, ну, довольно! сердиться глупо; постарайтесь сдѣлаться такимъ же краснымъ,

какъ и я: вамъ это возможно. Вы живете въ той же почвѣ, въ которой живу и я.

— Какой же это красный цвѣтъ! воскликнула золотистая свекла, отличающаяся кроткимъ характеромъ, — это блѣдный оттѣнокъ и скорѣе янтарный, нежели красный; быть можетъ, его то и подразумѣвала длиннохвостая оранжевая морковь.

— Быть можетъ, она называетъ красное оранжевымъ, такъ же, какъ вы его называете янтарнымъ, отвѣчала ярко красная свекла. Я лщу себя надеждой, что никто не извлечетъ изъ своихъ способностей больше пользы, нежели я, и ничей трудъ не вознаградится такъ, какъ мой. Должно быть мнѣ предстоитъ великая будущность.

— Слышите? А! слышите? прошепталъ кресъ своей соседкѣ, горчицѣ; слышите, какъ онѣ толкуютъ о своемъ ростѣ, о своихъ корняхъ, луковицахъ, размѣрѣ, цвѣтѣ и формѣ? На меня навели тоску ихъ толки. Что мнѣ за дѣло, какіе вы тамъ растете, бѣлые, оранжевые, красные, шарообразные, длинные или луковичами, слой на слою? Нѣкоторые изъ нихъ говорили, что они выбрасываютъ волокна для забавы; въ этомъ то, видно, вся моя и задача. Мнѣ не предстоитъ великаго будущаго. Поговорите со мной потихоньку и увидите. Я желаю чтобы обо мнѣ не было ни слуху ни духу.

— Я тоже расту только волокнами, тоненькимъ голосомъ проговорила горчица; если бы могла, я бы раскинулась всѣми путями—внизъ, вверхъ, во всѣ стороны. Лучше не быть посѣянной и не расти, нежели расти для ничтожной цѣли! да, мы несчастны! Почва даетъ имъ то, въ чемъ отказываетъ намъ.

— Неужели мы были посѣяны только для того, чтобы влачить бесполезное существованье? И горчица, и кресъ заплакали и проплакали цѣлый вечеръ. Но не они одни страдали. Морковь до того разстроилась, думая, какъ бы ей сдѣлаться шарообразной, что не могла спокойно слѣдовать своимъ природнымъ склонностямъ. Лукъ печально недоумѣвалъ; ему казалось, что свекла чуть-ли не права, и стоитъ похло-

потать, чтобы вырасти красной массой, а не блѣдной слоистой луковицей, какъ онѣ. Кто-то говорилъ, что пускаетъ волокна для забавы,—луку они необходимы для поддержки: онѣ не могъ бы держаться безъ нихъ.

Свекла была также взволнована и, какъ ни убѣждала себя, что лукъ растетъ неправильно, способъ его роста начиналъ ей казаться остроумнымъ, и ей хотѣлось увѣрить себя, что она тоже растетъ слоями. Но это ей не удавалось.

Только маленькія круглыя рѣдски, благодаря своей энергичной натурѣ, вполнѣ были увѣрены, что всѣ должны поступать такъ, какъ онѣ.

Что за тревога поднялась въ огородѣ! Эта тревога все увеличивалась и увеличивалась и дошла до того, что овощи стали призывать на помощь вѣтры, облака, солнце, луну и звѣзды и просили ихъ остановиться надъ ихъ головами хотя на минутку и рѣшить, кто правъ, кто виноватъ, кто пользовался, кто злоупотреблялъ своими дарованіями и способностями, кто извлекалъ наибольшую пользу изъ жизни и окружающихъ условій; чья система развитія была такой системой, которой всѣ остальные должны слѣдовать?

Но овощи зывали напрасно. Однажды вечеромъ, облака, собиравшіяся надъ садомъ въ продолженіи нѣсколькихъ дней, спустились дождемъ и быстро проникли въ землю, давно нуждавшуюся въ дождѣ. Немедленно раздался крикъ: „Вотъ кто рѣшитъ вопросъ!“ Овощи, повидимому, воображали, что у всѣхъ на свѣтѣ только и дѣла, что разрѣшать ихъ споры.

Снова поднялись вопросы: кто правъ, кто не правъ? Одинъ крессъ не задавалъ вопросовъ; онѣ только дрожалъ отъ страха подъ дождемъ. Ну, думалось кресу, теперь наступилъ часъ моего позора и униженія. Теперь мнѣ, бѣдному, бесполезному существу, уже не поднять головы!

Что же касается до моркови, въ хорошо вскопанную грядку которой дождю было легче проникнуть, то она красно-

рѣчивымъ слогомъ стала разсуждать, изъ за чего поднялся споръ, какія у нея надежды и опасенія.

Дождевыя капли не спѣшили отвѣтомъ; онѣ хотѣли прежде обдумать, и, спускаясь медленно, пролепетали: „миръ, миръ надъ всѣми грядками.“ И казалось, онѣ дѣйствительно приносили съ собою миръ; съ ихъ паденіемъ вездѣ воцарилось спокойствіе и тишина. „Бѣдные атомы безграничнаго царства природы“, тихо лепетали дождевыя капли; „каждый изъ васъ принимаетъ долю участія въ его усовершенствованіи; каждый изъ васъ одаренъ своеобразными свойствами; каждый хорошъ въ своемъ родѣ;—откуда могли зародиться среди васъ эти сомнѣнья? Развѣ горныя вершины по природѣ своей ниже долинъ потому, что на нихъ нѣтъ той растительности, какъ въ долинахъ? А долины?—виноваты ли онѣ въ томъ, что не могутъ возноситься къ небесамъ? Ручей течетъ не бесполезно, потому что не можетъ разливаться какъ море, а море не виновато въ томъ, что его воды солены? Каждое явленіе природы хорошо въ своемъ родѣ; каждое принимаетъ участіе въ полнотѣ совершенства безграничнаго царства, цѣль котораго всеобщая гармонія, а въ гармоніи миръ!“

И казалось, что дождевыя капли, опускаясь на землю кроткимъ потокомъ, дѣйствительно приносили миръ и тишину.

— Вамъ же, продолжали тихо лепетать капли, природа дала различныя свойства, сообразно съ ними и условія жизни. Каждое изъ вашихъ свойствъ, если оно развито правильно, приноситъ пользу въ царствѣ природы; для полноты его необходимы горы и долины, растенья, пускающія корни глубоко въ землю и наслаждающіяся жизнью на ея поверхности. Всѣ хороши въ своемъ родѣ; всѣ имѣютъ долю въ величій вселенной, предметы которой такъ же безчисленны, какъ и разнообразны ихъ свойства; всѣ они полезны и всѣ цѣлесообразны.

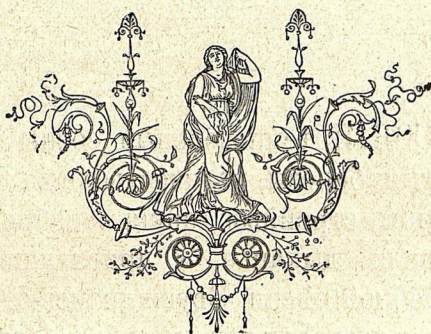
— Каждый изъ васъ необходимъ; каждый полезенъ; каждый хорошъ въ своемъ родѣ;—да будетъ же съ вами миръ!

Дождевыя капли лѣпетали все тише и тише и замолкли. Взошла луна; лучи ея о свѣтили огородъ, миръ и тишину.

Этотъ миръ не нарушался болѣе; даже и кресь поднялъ головку, сознавая, что онъ тоже полезенъ и хорошъ въ своемъ родѣ.

А. Сахарова.

(Передѣлано съ англійскаго).

СМЕРТЬ СОЛОВЬЯ.

(Сказка).

ВЫСОКІЯ темнозеленыя сосны и ели, развѣсистыя березы, величественныя дубы, душистыя липы, стройныя тонкія серебристыя ивы притаили дыханье и прислушивались къ волшебной пѣсни. Звуки лились откуда-то сверху, казалось, съ этого голубого безоблачнаго неба, на которое только что выплылъ ясный мѣсяцъ.

Маленькіе лѣсные цвѣточки приподняли свои головки, чтобы лучше разслушать дивныя звуки; лиловато голубой барвинокъ такъ и тянулся вверхъ изъ зеленой травки; скромныя ландыши, нѣжныя фіалки благоухали сильнѣе отъ счастья, при звукахъ этой пѣсни. Малютка незабудочка только вздыхала глубоко отъ полноты чувства, а отливающая серебромъ при свѣтѣ мѣсяца рѣка подергивалась легкой рябью, какъ бы стараясь вдохнуть всю эту гармонию.

Часто слышались эти пѣсни величественный лѣсъ. Каждую весну прилеталъ въ свое построенное на развѣсистомъ кленѣ гнѣздышко соловей и пѣлъ старымъ друзьямъ свои волшебныя пѣсни, и деревья всегда жадно вслушивались въ эти пѣсни.

Соловей пѣлъ друзьямъ о безбрежныхъ моряхъ, черезъ которыя ему приходилось перелетать, о быстрокрылыхъ чайкахъ, которыя такъ любятъ бурю, о пышныхъ розахъ, радостно привѣтствующихъ его, о померанцевыхъ и лимонныхъ рощахъ, о синихъ южныхъ небесахъ.

Соловей пѣлъ; деревья жадно вслушивались въ его пѣсню, и передъ ними вставали инныя, невѣдомыя имъ страны, протекали величественныя рѣки, высились стройныя пальмы, порхали какъ алмазъ малютки колибри, дрожали розовыя лепестки громадной Викторіи Регины, бѣлѣли мраморныя колонны храмовъ и дворцовъ. Жизнь—наслажденіе, счастье! пѣлъ соловей. Грозы! да грозы-то освѣжаютъ воздухъ. Друзья мои! нѣжно заливался соловей, какъ легко дышется послѣ грозы, какъ свѣжи и прекрасны цвѣточки, омытые дождемъ. Жизнь—высшее благо природы.

Весело встрепелулись лѣсные цвѣточки; полно вздохнули деревья; только мѣсяцъ слегка затуманился—и темное облачко пробѣжало по его свѣтлому лику.

Окончивъ пѣвецъ свою чарующую пѣсню, расправилъ сѣренкія крѣпышки, взглянулъ на затуманившійся мѣсяцъ;—что-то похожее на грусть закралось въ его сердце. Соловей любилъ этотъ мѣсяцъ: онъ освѣщалъ своими кроткими лучами его гнѣздышко, гдѣ онъ жилъ съ своей подругой, и не разъ утѣшалъ и ободрялъ его своимъ тихимъ свѣтомъ.

— Что ты, мѣсяцъ, затуманился, не всѣтишь по прежнему? грустно спросилъ его соловей.

Кротко и ласково отвѣтилъ соловью мѣсяцъ:

— Затуманился я, душа соловушко, потому, что пѣсня твоя напомнила мнѣ большіе города, гдѣ люди не слышатъ такихъ пѣсенъ какъ твои, не видятъ такихъ деревьевъ, какъ эти деревья, прислушивающіяся къ твоему пѣнію, такихъ цвѣтовъ, какъ приподнявшіе свои головки, и не дышатъ живительнымъ воздухомъ лѣса.

Мои лучи часто заглядываютъ въ эти дома и даже въ мрачныя подвалы, гдѣ живутъ люди, вся жизнь которыхъ—

тяжелый трудъ, не спасающій ихъ отъ нищеты. Вижу, какъ въ этихъ большихъ городахъ даже дѣти бѣдные и болѣзненные возвращаются съ утомительной работы. На лицахъ ихъ рѣдко мелькаетъ улыбка. Много горя и мало радости въ большихъ городахъ; мало тамъ садовъ, и въ этихъ садахъ стоятъ жалкія, тощія деревья, на запыленныхъ вѣтвяхъ которыхъ не свиваютъ гнѣздъ твои братья; и не слышится тамъ пѣсенъ такихъ какъ твои. О! если бы ты полетѣлъ туда, въ одинъ изъ этихъ большихъ городовъ, пѣвецъ любви и свѣта! спѣлъ тамъ свою чарующую пѣсню,—она бы освѣжила живущихъ тамъ людей, какъ роса освѣжаетъ цвѣты; она сдѣлала бы ихъ счастливѣе, бодрѣе, человѣчнѣе, внесла бы въ ихъ жизнь ароматъ и прохладу лѣса, роскошь и блескъ весны.

Задумался соловей, поникъ своей маленькой головкой. Какое то неодолимое стремление манило его вдаль, туда, въ этотъ большой городъ, о которомъ ему только что разсказалъ ясный мѣсяцъ. Тѣснымъ показалось ему его уютное гнѣздышко, гдѣ выкармливалась семья его, скучнымъ—густой, тѣнистый лѣсъ, безцѣльной—вся его жизнь.

Кому онъ пѣлъ? Онъ пѣлъ тѣмъ деревьямъ, которыя нерѣдко слышали пѣсни его братьевъ; онъ безучастно пролеталъ надъ большими городами и спѣшилъ въ тѣнистые лѣса. Ему не было дѣла до людей, которыхъ его пѣсня могла бы утѣшить.

Нѣтъ, онъ не могъ долѣе оставаться въ лѣсу. Нѣтъ,—скорѣе въ городъ, къ людямъ! Сердце его билось сильнѣе; мѣсяцъ свѣтилъ привѣтливѣе, какъ бы благословляя его.

Присѣлъ соловей на краю своего гнѣздышка и запѣлъ прощальную пѣсню. Въ ней онъ прощался съ своимъ гнѣздышкомъ и со всѣмъ любимымъ, близкимъ ему.

Соловей кончилъ. Молча, выслушали его прощальную пѣсню цвѣты и деревья; рѣка притихла, а подруга соловья какъ бы замерла при звукахъ этой прощальной пѣсни.

Но вотъ деревья оправились по немного отъ удивленья и ласково зешелестѣли своими вѣтвями.

— Не улетай отъ насъ, соловей; у насъ хорошо и прохладно,—останься съ нами!—Не улетай, нашептывали цвѣточки.

— Не улетай, журчала прохладная рѣка.

— Непокидай нашего уютнаго гнѣздышка! упрасивала подруга.

Сердце соловья разрывалось тоской

Но онъ рѣшился, быстро взмахнуль своими крыльями, бросилъ послѣдній прощальный взглядъ на все, что такъ любилъ, и улетѣлъ.

Далеко позади остался зеленый лѣсъ и осиротѣлое гнѣздышко. Онъ несется уже надъ синимъ моремъ. Сжимается его сердце тоской, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, что-то неудержимо влечетъ его туда, въ этотъ большой городъ, къ людямъ. Летитъ онъ, летитъ быстро, а рядомъ съ нимъ кружатся смѣлыя чайки и нашептываютъ ему:

— Вернись, соловей, въ родные лѣса. Тяжело дышется въ большихъ городахъ. Гдѣ люди, тамъ печаль.

— Вернись, тихо журчала морская волна; лучше утонуть въ моей глубинѣ, нежели задохнуться въ удушливомъ воздухѣ большаго города или быть убитому камнемъ, неосторожно брошеннымъ рукою одного изъ тѣхъ людей, которыхъ ты думаешь обрадовать своей пѣсней.

Но соловей не слушалъ ни голоса чаекъ, ни журчанья волны. Онъ летѣлъ туда, въ эту невѣдомую даль, куда его манило. Онъ усталъ и все летѣлъ. И вотъ онъ на другомъ берегу моря; передъ нимъ уже не шумящій лѣсъ, а роскошный паркъ, съ правильными тѣнистыми аллеями, въ глубинѣ которыхъ алмазной струей брызгаютъ фонтаны и красуются пышные цвѣтники.

Тамъ среди парка возвышался пышный домъ съ мраморными колоннами, раззолоченными балконами и красивыми башенками.

Нашъ соловей усталъ отъ долгаго полета и присѣлъ на вѣтку развѣсистаго вяза отдохнуть, расправить крылья и ле-

тѣтъ туда, гдѣ надобна его пѣсня. Отдохнуть соловей, уснулъ; прошелъ день. Закатилось майское солнышко, выплыть на небо мѣсяцъ. При первыхъ лучахъ его, отдохнувшій соловей запѣлъ свою волшебную пѣснь о грустной разлукѣ и о стремленіи вдаль.

Въ паркѣ, какъ и въ лѣсу, къ его пѣснѣ прислушивались деревья. Сверкали алмазной струей фонтаны, благоухали роскошные цвѣты сада, а на раззолоченномъ балконѣ появился самъ владѣлецъ дома, красивый, богато одѣтый старецъ, окруженный многочисленной веселой семьей.

Всѣ они, и самъ хозяинъ, и его добрая старушка жена, и сыновья, и дочери, съ восторгомъ прислушивались къ соловьиной пѣснѣ. Когда же соловей умолкъ и готовился улетѣть, раздались голоса:—Не улетай, останься съ нами, чудный пѣвецъ!—Мы живемъ мирно и счастливо: пой намъ о любви и счастья. Останься съ нами! упрашивали дѣти; мы выстроимъ тебѣ гнѣздышко изъ драгоценныхъ камней и будемъ слушать каждый звукъ твоей пѣсни.

— Не улетай отъ насъ, шелестѣли деревья. Мы дадимъ тебѣ прохладу въ жаркіе дни, и мы разольемъ вокругъ тебя ароматы, шептали цвѣты.

Печально, но рѣшительно взмахнулъ крыльями соловей на всѣ просьбы новыхъ друзей. Не для того покинулъ онъ все дорогое ему, чтобы услаждать своей пѣсней счастливыхъ, Нѣтъ, скорѣе въ путь! туда, къ этимъ, которые никогда не слыхали чудныхъ пѣсень его.

Быстро вспорхнулъ соловей и исчезъ изъ роскошнаго парка. Долго летѣлъ онъ надъ ровной шоссею дорогой, по сторонамъ которой кое-гдѣ мелькали тощія, запыленные деревья. Воздухъ становился все удушливѣе и удушливѣе: соловью дышалось все труднѣе и труднѣе, но онъ не обращалъ вниманія на усталось, не замѣчалъ духоты. Сердце его билось тревожно: онъ чувствовалъ, что приближается къ страшному желанному городу.

День клонился къ вечеру; соловья охватилъ ѣдкій дымъ, и почти оглушилъ невѣдомый ему шумъ—шумъ большого города.

На блѣдно-голубомъ небѣ свѣтилъ все также кротко мѣсяцъ и привѣтливо шепнулъ соловью: не ройбѣ!

Да, это былъ городъ—большія каменные зданія возвышались чуть ли не до закоптѣвшихъ отъ дыма небесъ. Соловей задыхался, но смѣло влетѣлъ въ шумныя многолюдныя улицы, гдѣ не было ни зелени, ни цвѣтовъ, влетѣлъ — и запѣлъ...

Никогда ни въ тѣнистомъ родномъ лѣсу, ни въ своемъ уютномъ гнѣздынкѣ, ни въ роскошномъ паркѣ, ни даже въ волшебныхъ рощахъ юга не пѣлъ соловей такъ, какъ онъ пѣлъ на улицахъ большого города. Въ его пѣснѣ было все: и любовь къ усталымъ измученнымъ людямъ, и желанье утѣшить ихъ своей пѣсней, подѣлиться съ ними всѣмъ видѣннымъ и слышаннымъ, отдать свою душу, чтобы дать забыть и отдохнуть. Въ этой пѣснѣ слышалось все прекрасное настоящее и свѣтлое будущее.

Звуки чарующей пѣсни полились на многолюдный городъ, какъ майскій дождикъ. Улыбка мелькнула на лицахъ дѣтей, обитателей городскихъ подваловъ и чердаковъ при первыхъ звукахъ этой пѣсни.

Соловей пѣлъ, а его слушателямъ грезились и лѣса, и рѣка, и моря, и волшебная природа юга. Какъ голосъ матери, убаюкивала и утѣшала эта пѣсня, и спящимъ малюткамъ снились радужные сны. А взрослые? плачь и стоны умолкали. Больной забывалъ свои страданья, бѣднякъ нищету, работникъ — тяжелый трудъ; всѣ отдыхали, оживали подъ влiянiемъ чудныхъ звуковъ. Жесткія, загрубѣвшія лица озарялись кроткимъ свѣтомъ; на глазахъ наворачивались чистыя слезы; были счастливы, отдыхали.

А соловей? соловей никогда не чувствовалъ такого счастья, какъ-то, которое онъ переживалъ тутъ, на шумныхъ

улицахъ многолюднаго города; никогда роса не казалась ему такъ прекрасной, какъ слезы счастія въ глазахъ людей.— Не говорилъ ли я тебѣ? шепталъ мѣсяцъ, и соловей летѣлъ все дальше, заглядывалъ въ каждую улицу останавливаясь дольше въ бѣдныхъ, тѣсныхъ закоулкахъ.

Силы стали измѣнять ему, а онъ все летѣлъ и пѣлъ, повинаясь голосу своего сердца.

Но вотъ онъ вылетѣлъ на окраину города; передъ нимъ громадное зданіе съ желѣзными рѣшетками на окнахъ—тюрьма! шепнулъ мѣсяцъ. Спой тутъ свою оживляющую пѣсню: тутъ люди не видятъ ни воздуха, ни свѣта. Если, можетъ быть, они и виновны и заслужили свою участь, не намъ судить—но утѣшать и свѣтить. Усталый, измученный соловей рѣшѣлъ на выступъ одного изъ рѣшетчатыхъ оконъ и запѣлъ.

Притаивъ дыханье, прислушивались къ его пѣснѣ заключенные; въ ихъ глазахъ засверкали слезы умиленія.

Страшный высокій молодой человѣкъ, надъ окномъ котораго соловей пѣлъ свою пѣсню, стоялъ, прижавшись блѣднымъ лицомъ къ рѣшеткѣ окна, боясь пропустить хотя единый звукъ.

Онъ жадно всматривался въ клочекъ яснаго неба, какъ бы желая угадать, откуда доносятся эти волшебные звуки.

Въ воспаленныхъ глазахъ несчастнаго сверкнули отрадные слезы надежды. Чудные звуки ободрили его, дали ему силу жить.

Соловей усталъ и умолкнулъ. Въ это мгновеніе одинъ изъ ребятишекъ сторожа, игравшихъ на тюремномъ дворѣ въ камушки, швырнулъ въ соловья камень такъ ловко, что попалъ ему прямо въ грудь, и соловей упалъ, обливаясь кровью.

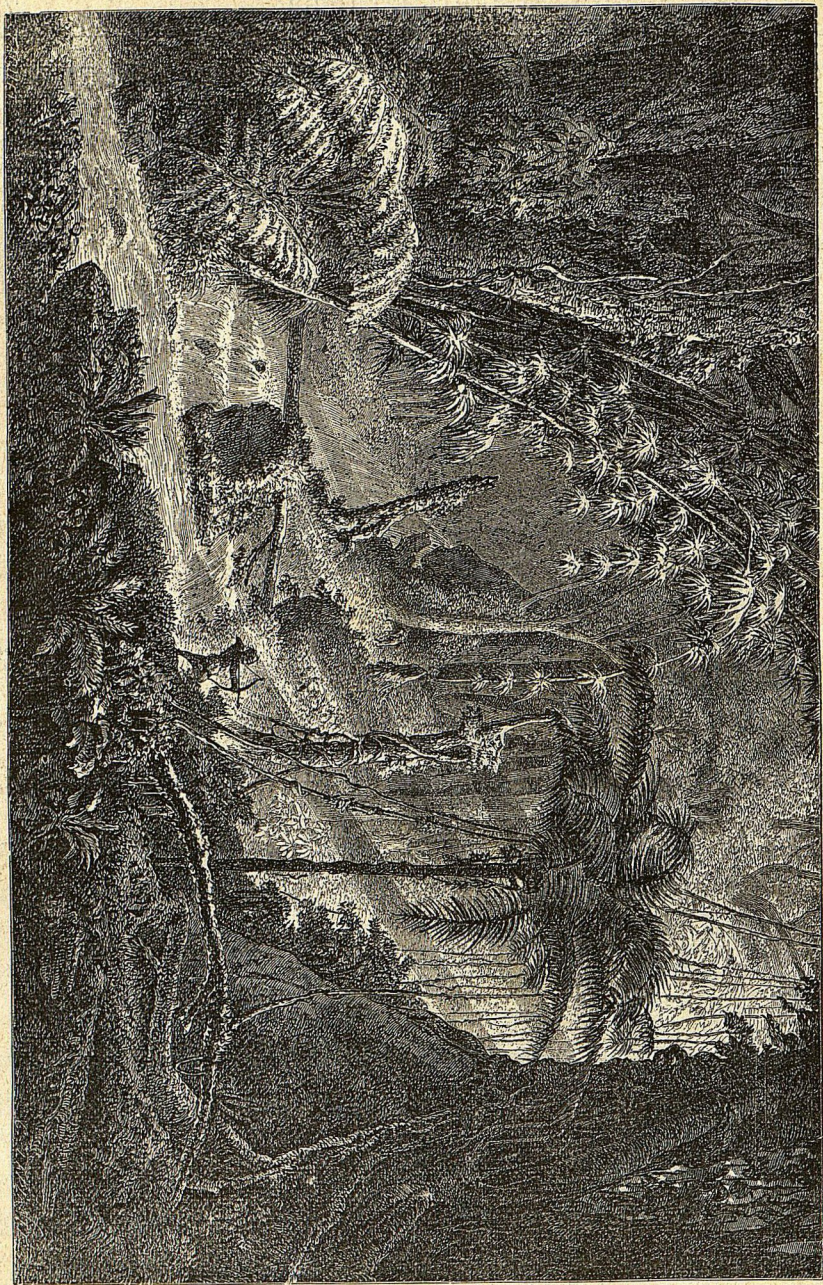
Сильно страдалъ бѣдный соловей; долго бился онъ о каменные плиты, но ни разу не пожалѣлъ ни о тѣнистомъ лѣсѣ, ни объ уютномъ гнѣздышкѣ. Передъ умирающимъ со-

ловьемъ свѣтились полные слезъ глаза тѣхъ, кого утѣшила, ободрила, возвысила его пѣсня, и слышался ему нѣжный пришепотъ мѣсяца.

Соловей вздохнулъ глубоко, встрепенулся и умеръ.

А. Сахарова.

Редакторъ-издательница Т. ПАСЕКЪ.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 4 июля 1881 г.

Типографія А. С. Суворина. Эртелевъ пер., д. № 11—2.